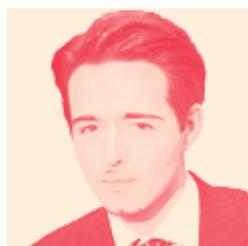

Неудачный шантаж. Почему рынок не поверил нефтяным экспортерам

Петр Казначеев

Директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС

Нефтяной рынок давно ждал сенсации. И вот 16 февраля состоялась четырехсторонняя встреча в Дохе, которая, по замыслу ее участников, должна была произвести эффект разорвавшейся бомбы. Россия и Саудовская Аравия вместе с Венесуэлой и Катаром [заявили](#) о готовности заморозить добычу на уровне января 2016 года. Но эффект оказался смазанным – котировки стали быстро возвращаться на прежний уровень. По сути, мы получили еще одно подтверждение того, что методы без малого полувековой давности теперь не работают. Структура энергетического рынка изменилась кардинально, что вызывает недовольство ветеранов индустрии. Как следствие, все большее количество нефтеэкспортеров пытаются реорганизовать сектор и отказаться от модели сырьевой госмонополии.

Гора родила мышь

Все тайное становится явным. Особенно если тайну призваны охранять бюрократы. Слухи о готовящемся заявлении стали распространяться еще за неделю до мероприятия в Дохе. В понедельник, за день до самой встречи, рынок оказался так разогрет различными домыслами, что цена нефти поднялась на 6,5%. Но на следующий день, когда высокие

договаривающиеся стороны огласили-таки свое решение, наблюдатели выразили разочарование, смешанное с плохо скрываемым раздражением. Гора родила мышь: два самых больших нефтепроизводителя в мире сделали, по сути, ни к чему не обязывающее заявление. Котировки отреагировали соответственно: в тот же день произошел отскок, после которого цена колебалась в коридоре \$32–35 за баррель за нефть марки Brent. Она даже не смогла вернуться к пику конца января – \$36. Что уж говорить про заоблачный, по нынешним меркам, уровень \$46. А ведь столько стоил баррель всего два месяца назад!

«Шоу в Дохе заставило мир не вздрогнуть от страха, а скорее безучастно зевнуть»

Российский министр энергетики Александр Новак [разъяснил](#) суть договоренности: «...Четыре страны готовы сохранить в среднем в 2016 году объемы добычи нефти на уровне января 2016 года и не превышать его. Решение будет принято, если другие производители присоединятся к этой инициативе». Весь смысл в последней фразе: решение вообще пока не принято – замораживание возможно при условии присоединения к нему других стран. При этом непонятно, какое количество стран необходимо, чтобы данное обязательство вступило в силу. Более того, в отличие от квот ОПЕК данная инициатива не обладает никаким официальным статусом и не закреплена ни в каких международных документах. Не помогли и последовавшие безрезультатные [призывы](#) в адрес Ирана и Ирака присоединиться к соглашению. В итоге, как удачно [выразилась](#) Financial Times, «шоу в Дохе заставило мир не вздрогнуть от страха, а скорее безучастно зевнуть».

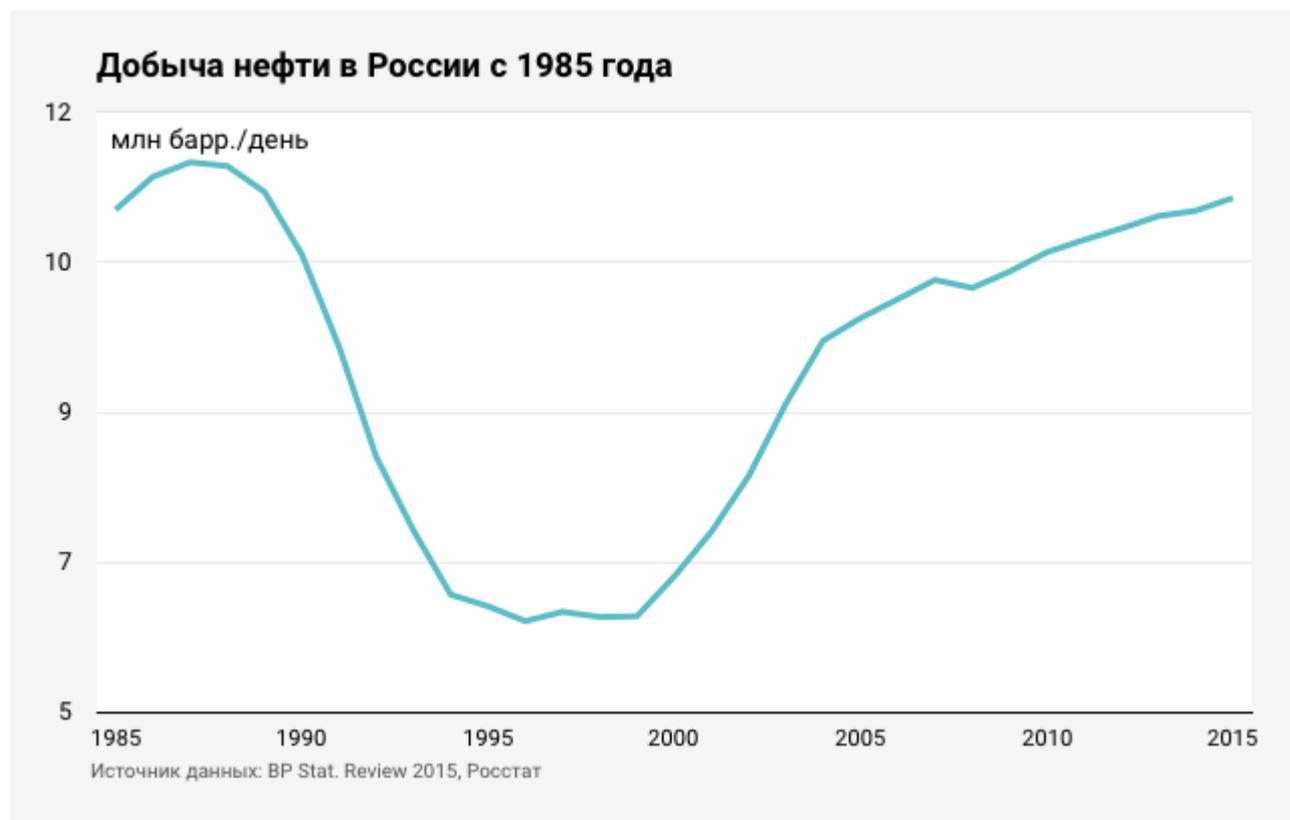
реклама

Иллюзии ограничения добычи

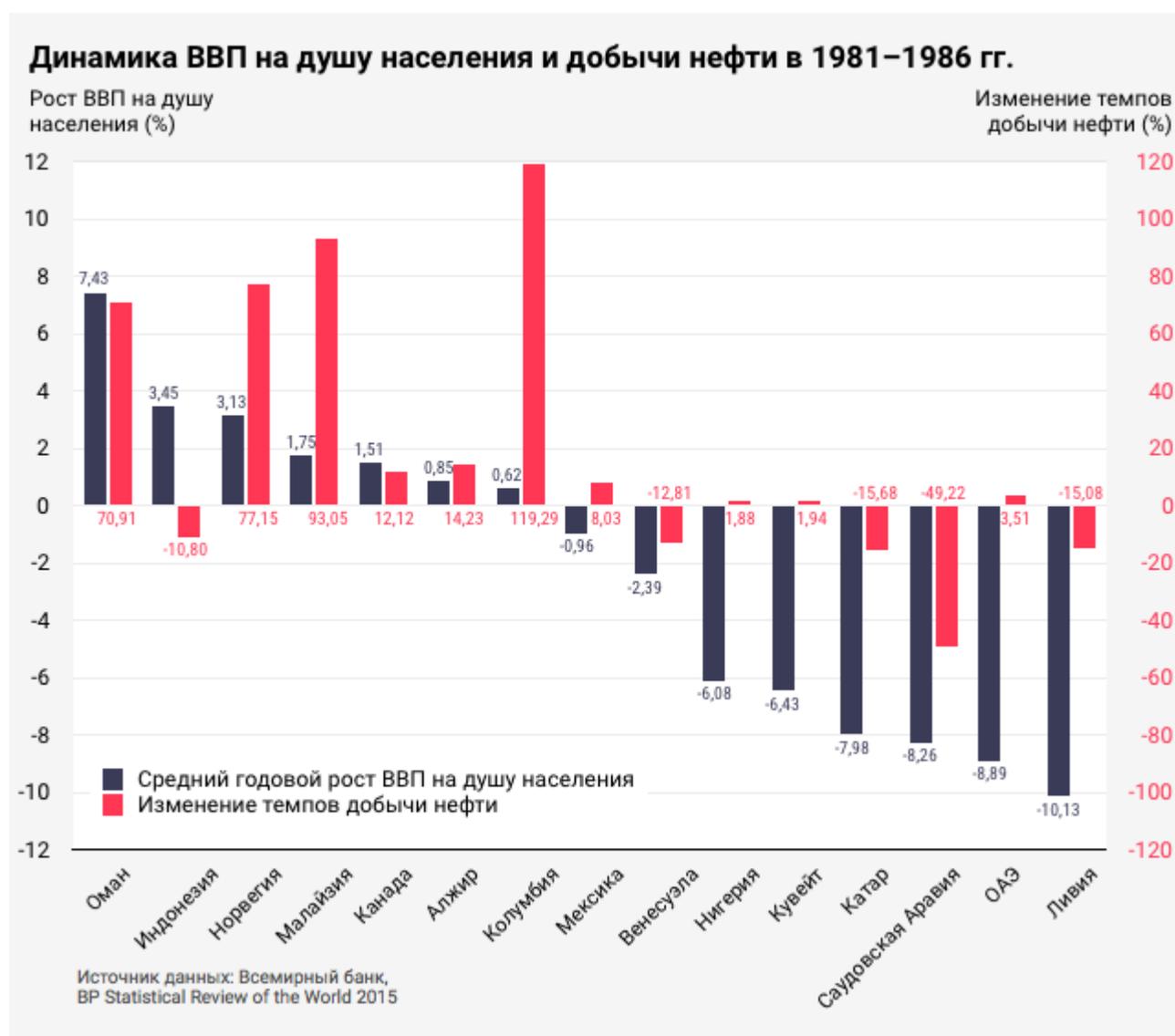
Участники нефтяного рынка не поверили, что экспортеры на самом деле будут ограничивать добычу, и, по всей видимости, российское правительство изначально догадывалось о такой реакции. Так для кого же тогда устроено

было шоу? По целому ряду признаков можно догадаться, что мероприятие было, что называется, для внутреннего пользования. Во-первых, оно призвано было продемонстрировать россиянам геополитический вес страны, которая заключает некое влиятельное соглашение с Саудовской Аравией – крупнейшим нефтеэкспортером. Создается впечатление, что два нефтяных колосса грозно склонились над шахматной доской мировой геополитики. Реальный вес соглашений в данном случае не имеет значения, главное – картинка.

Во-вторых, российские политики все чаще пытаются делать хорошую мину при плохой игре. 2015 год, по всей видимости, станет последним годом роста производства для российской нефтянки. Правительство уже [предупреждало](#): добыча нефти в России с 2016 года будет падать. К 2035 году Минэнерго [предвидит](#) сокращение добычи на основных месторождениях на 34,5%. В этой ситуации правительство, вероятно, посчитало, что из соображений имиджа лучше объявить неминуемое падение производства частью хитрого геополитического соглашения, чем признать его результатом экономического кризиса в стране.

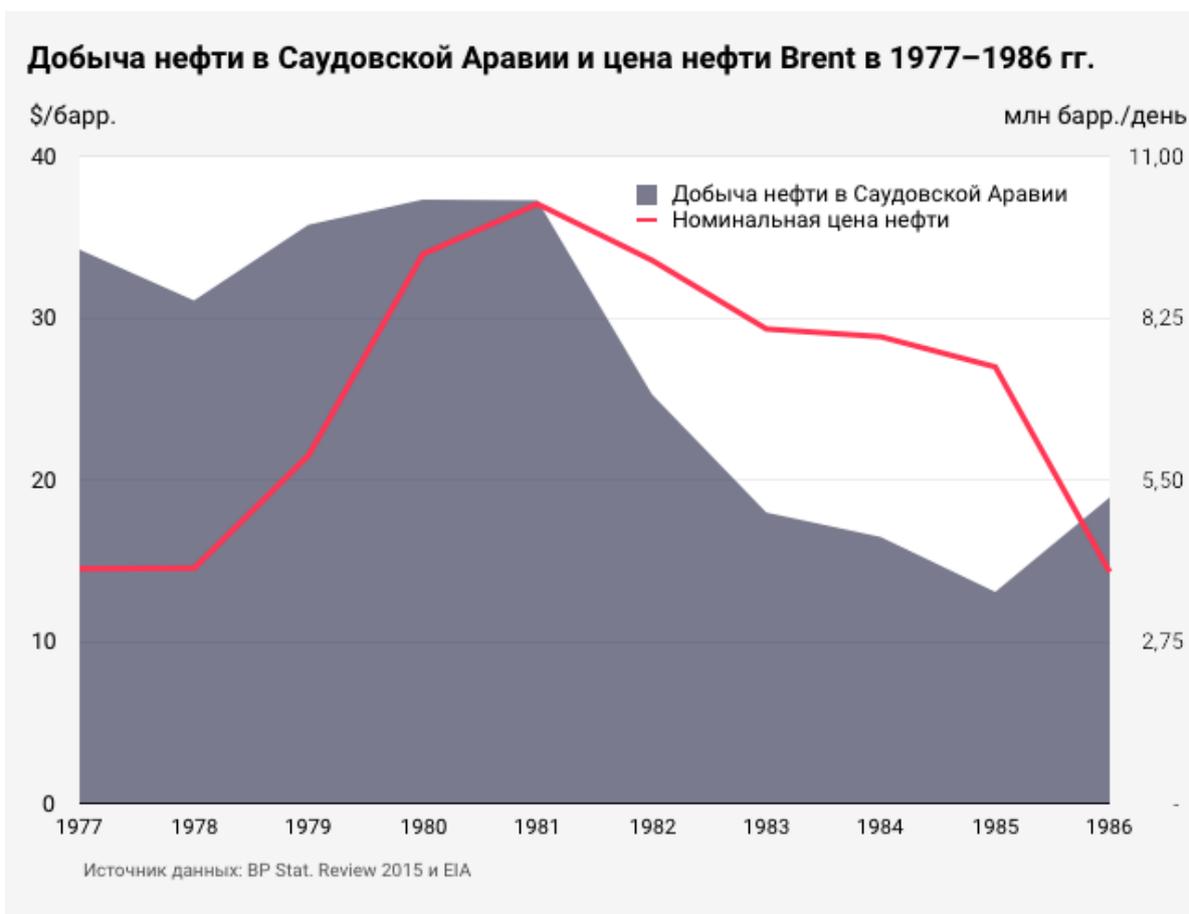
Расшифровка смысла заявлений в Дохе отвлекла внимание от основного вопроса: какое влияние на экономику может оказать сокращение добычи, если все же предположить, что кто-то и правда собирается ее ограничивать? Наглядный ответ дает опыт предыдущего самого глубокого в истории обвала цен на нефть. С 1981 по 1986 год они сократились в 3,6 раза (нынешнее падение вплотную приблизилось к этому показателю, но пока еще не побил исторический рекорд). Но и в те годы в ряде стран-экспортеров, несмотря на резкое падение цен, наблюдался [положительный рост](#).

Характерно, что все страны с положительными темпами роста увеличили добычу нефти в этот период (Малайзия и Норвегия – почти удвоили). У этого есть очевидное объяснение: увеличение физических объемов производства

может частично или даже полностью компенсировать сокращение доходов от снижения цен. Исключение составляла Индонезия, так как на тот момент она входила в ОПЕК и вынуждена была соблюдать квоты по экспорту нефти (позже Индонезия покинула картель). Но Индонезия частично компенсировала эти потери двукратным увеличением добычи газа.

О том, к чему приводят попытки повлиять на цену путем сокращения добычи, красноречиво свидетельствует опыт Саудовской Аравии в тот же период падения котировок с 1981 по 1986 год. Тогда королевство попыталось практически единолично вытащить мир из ценовой ямы и сократило добычу до рекордного минимума – с 10,3 млн до 3,6 млн баррелей в сутки. Итог для Саудовской Аравии оказался очень неутешительным. На цену барреля ее политика не повлияла – рынок погрузился в затяжной период дешевой нефти. Зато за эксперименты с ограничением добычи пришлось дорого заплатить: уровень среднедушевого дохода заметно упал. На прежние уровни производства нефти Саудовская Аравия вышла только через двадцать лет, а свою долю на рынке она так с тех пор полностью и не восстановила.

На пути к очищению

На цену нефти соглашения в Дохе не повлияли. Но представляется, что их изначальный смысл был в другом. Все дело в том, кто представлял Саудовскую Аравию на этой встрече. Это был пожилой министр нефти Али аль-Наими, который недавно отпраздновал свой восьмидесятилетний юбилей. В 1981 году аль-Наими был назначен вице-президентом по разведке и добыче в Saudi Aramco, а в 1983-м возглавил компанию, став ее руководителем на 12 лет. Получается, что он стоял у руля компании именно в тот период, когда Саудовская Аравия резко сократила добычу. И вот этот самый человек заявляет теперь о том, что готов вместе с Россией снова провести эксперимент по ограничению добычи нефти!

Все это могло бы показаться крайне странным, если не знать, что после восшествия на престол в начале прошлого года короля Салмана бен Абдель Азиза расклад сил в Саудовской Аравии сильно поменялся. Вторым по влиянию в стране стал тридцатилетний принц Мухаммад бен Салман. Молодой и амбициозный, он начал быстро набирать обороты: был назначен вице-премьером, возглавил Совет экономического развития и военное министерство, став самым молодым министром обороны в мире.

В январе этого года вышло сенсационное [интервью](#) принца Мухаммада журналу Economist, в котором он впервые заговорил о возможности выхода Saudi Aramco на IPO. До него никто не смел посягать на святая святых саудовской экономики. Листинг даже малой доли в Saudi Aramco означал бы раскрытие огромного количества информации и передел колоссального механизма по распределению нефтяной ренты. Очевидно, столь радикальные планы не могли прийти по вкусу многим ветеранам нефтяной индустрии.

В этом смысле демарш министра аль-Наими в Дохе можно рассматривать как попытку защитить устоявшийся уклад – попробовать вернуться к методам

его молодости, когда одним политическим решением можно было взвинтить котировки в три раза за считанные недели, как это было во время войны Судного дня 1973 года. Если появится хотя бы видимость того, что старые методы ценовой манипуляции работают, то это может отвести угрозу реформирования саудовской нефтяной промышленности (и здесь тоже получается работа на внутреннюю аудиторию).

Кто одержит верх в конкуренции при дворе Аль Саудов, покажет время. Сейчас очевидно, что старая гвардия нефтяных генералов находится под большим давлением внешней конъюнктуры. Модель госмонополий, которая худо-бедно работала в период высоких цен, дала системный сбой. В глобальной конкуренции частные компании-инноваторы опередили госкорпорации, что ярче всего проявилось в сланцевой революции.

[Модель госмонополий, которая худо-бедно работала в период высоких цен, дала системный сбой](#)

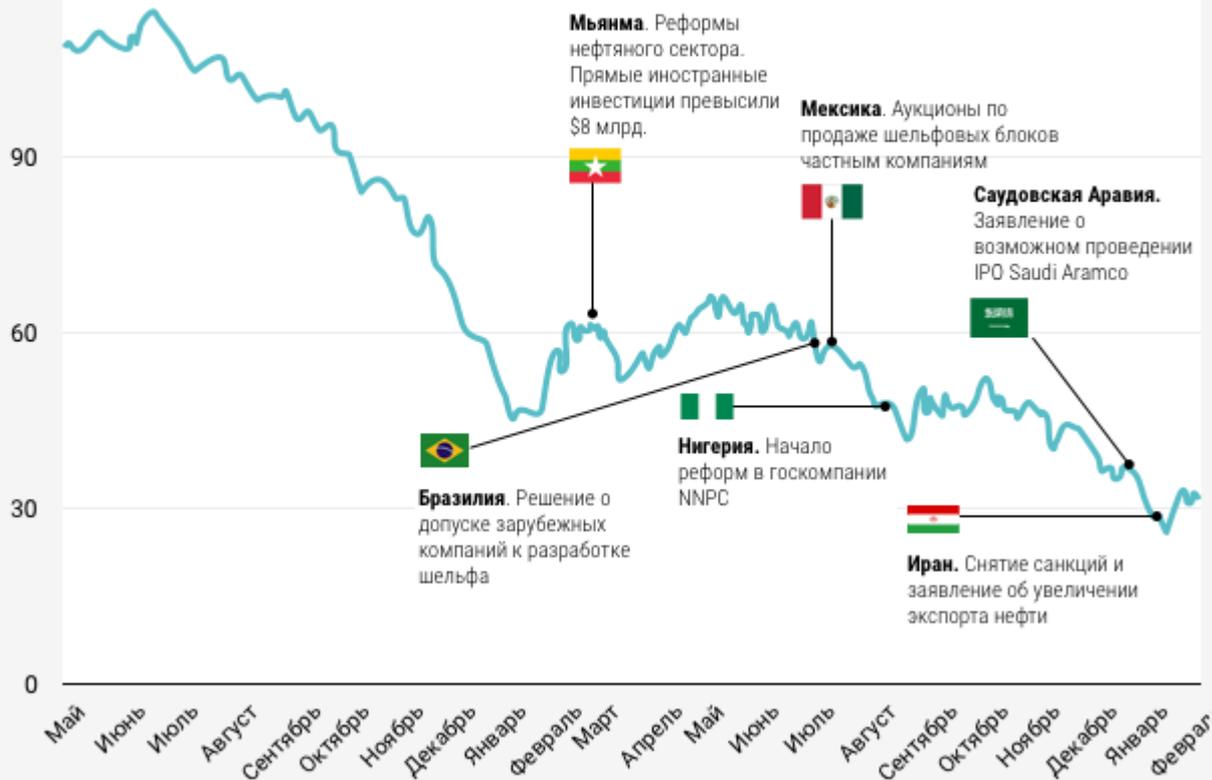
В результате глобальный энергетический ландшафт сильно поменялся – тон стали задавать США, которые в 2014 году впервые с 1970-х годов опередили Россию и Саудовскую Аравию по производству нефти. Рынок перешел в стадию «нефтяного дзена», при котором вооруженные конфликты перестали оказывать заметное влияние на цену, о чем я подробно писал в своей [прошлой статье](#).

В итоге все больше правительств пытаются реорганизовать сектор в сторону раскрытия информации, участия частного капитала и допуска международных компаний к разработке новых месторождений. Эта тенденция сильнее всего проявилась за последний год в свете резкого сокращения ренты от экспорта нефти. Реформы (разрозненные и не всегда последовательные) произошли в нескольких странах: в частности, в Бирме, Мексике, Иране, Нигерии и Бразилии. Причем в последних двух случаях изменения не были добровольным решением правительств – они произошли под влиянием коррупционных скандалов и [гражданских протестов](#).

Реформы нефтяного сектора и цена Brent с мая 2014 года

\$/баррель

120

В интервью Economist принц Мухаммад высказал смелую мысль. Он довольно четко уловил zeitgeist – примету времени – в эпоху низких цен на нефть, сказав, что королевству нужна «революция в духе Тэтчер». Аналогия понятна: во времена «железной леди» Британия прошла нелегкий путь экономической либерализации и продажи государственной собственности, в частности была приватизирована компания BP. Нефтяной тэтчеризм пока еще не стал мейнстримом. Но, похоже, время и цены на нефть работают в пользу этой парадигмы.